

А
Н. М. Коншин

Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году

Три старинных романа: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, примеч. В.Ю. Троицкого. Кн. 2: Греч Н. Черная женщина; Коншин Н. Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году. - М.: Современник, 1990

[Scan, OCR, SpellCheck: Алексей Соколов](#)

--

Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.

Певец в стане русских воинов

-- **Часть первая**

--

-- **I**

12 июля, часу в 11 ночи, по узенькой улице Орши, небольшого городка Могилевской губернии, окинутого грозными биваками французов, пробирались двое, оглядываясь поминутно на все стороны и разговаривая между собою так тихо, что самый чуткий фискал побожился бы, что они молчали. Один из них, высокий, осанистый, лет за пятьдесят человек, был жестяных дел мастер Ицка Шмуйлович Варцаб, кагальный города Орши, человек уважаемый между земляками, имевший на большой улице, недалеко от рынка, собственную свою мелочную лавочку и ежегодно возивший на ярмарку в Красный, а иногда отправлявший и в Смоленск высоко и широко нагроможденный воз звонких своих рукоделий. Другой, лет восемнадцати, длинношей, сухощавый, с большими серыми, навывкате, глазами и полуоткрытым ртом - был портной Берка Мардухович, племянник Ицки Варцаба.

- Ни лоскутка бумаги, - ворчал первый, пощипывая себе усы с уловкой, чтоб засторонить звуки голоса, - ни гроша денег чтоб не было с тобой, Берка. Боже тебя сохрани! Пуля и петля!

Молодой шел задумчиво, или, может быть, рассеянно; при последних словах он вздрогнул и поднял глаза на своего спутника.

- Не гляди так зорко, - продолжал первый, - иди себе прямо да слушай, что я говорю: никаких записок не бери с собой, ни лоскутка бумаги, ни даже ребячей мерки. Все может показаться подозрительным, а при малейшем подозрении сгинешь как собака.

Разговор временно пресекался; едва-едва раздавался шум походки двух приятелей.

- Видишь ли, какой свет во всех домах, - начал Ицка, повернув голову к окнам жидовских хижин, мимо которых теснилась улица, - все генералы стоят по квартирам, а из солдат одни только польские уланы в городе, другие же все в лагере; надобно часа чрез два собираться в дорогу.

- Так я теперь пойду домой, - сказал Мардухович, вытянув шею и заглядывая в глаза своему дяде, - меня такая дрожь проняла с твоих рассказов, что и в печи, кажется, не согреюсь.

В эту самую минуту брякнуло что-то вблизи евреев.

- Кто идет? - заревел вслед за сим толстый бас поляка, стоявшего на часах, за воротами дома, с которым они поравнялись.

- Солдат, солдат! - отозвался торопливо Ицка, между тем как пронзительное "ай, ай, ай!" портного мастера заглушало басистый оклик.

- Чего же ты боишься, Мардухович? - продолжал он по-польски, ободряя и себя и своего племянника. - Бояться нечего, мы свои; здесь наши приятели.

- Дьявол-жид! - вскричал спесивый поляк кампании 1812 года. - Может ли быть шляхтич тебе приятелем!

- Господин служивый, - сказал твердым голосом Ицка, имевший, как замечали в Орше, удивительный дар не теряться в бедственных обстоятельствах, - господин служивый, - повторил он с видом покровительства, - не тут ли квартира ясновельможного пана князя Понятовского? Я фактор камердинера его милости.

Лукавый Ицка очень хорошо знал, что князь квартирует в гостинице, но, казалось, сими словами хотел возбудить в поляке большее к себе уважение: имя князя Понятовского было талисманом